

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

Направления развития религии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1905. № 12. С. 685-706.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Направленія развитія религіи.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

А О СИХЪ ПОРЪ мы изучали религію на различныхъ ступеняхъ ея развитія. Другими словами, мы направили наше вниманіе на градаціи различія между разными религіями и старались классифицировать ихъ соотвѣтственно этимъ градаціямъ. Это, однако, одна лишь часть нашей задачи. Есть еще специфическое, родовое различіе въ развитіи, которое также требуется отмѣтить. Такія специфическія различія наблюдаются не только въ области религіи, но и въ общемъ человѣческомъ развитіи, какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ и у народовъ и семей народовъ. Въ качествѣ примѣровъ отдѣльныхъ личностей, людей рѣдкаго таланта, піонеровъ науки или философіи, искусства или литературы, равныхъ по значенію, по дѣйствовавшихъ въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни, я могу назвать Дарвина и Пастера, Платона и Аристотеля, Леонардо и Микельанжело, Рафаэля и Рембрандта, Шекспира и Гёте; по каждому изъ васъ легко придутъ на память и многіе другіе примѣры. Равнымъ образомъ, народы Западной Европы стоятъ на одинаковомъ уровнѣ развитія, хотя прошли весьма различные процессы развитія. Точно также и тѣ великія семьи народовъ, или—какъ ихъ обычно, хотя не вполне удачно, опредѣляютъ—расы, которыя мы называемъ арійской и семитической, представляютъ рѣзкій контрастъ между собою, однако занимаютъ равныя мѣста, въ силу тѣхъ услугъ, какія каждая изъ нихъ оказала развитію человѣчества, за исключеніемъ того, что развитіе одной имѣло мѣсто раньше

другой. Этого достаточно для объясненія, почему я отличаю отъ ступеней религіознаго развитія еще различія въ развитіи. Подъ словомъ направленіе я разумѣю духовное теченіе, которое проводитъ какой-либо одинъ припципъ религіи или какую-либо одну основную религіозную идею до ея крайнихъ выводовъ, оставляя болѣе или менѣе въ сторонѣ другія. Двѣ религіи могутъ стоять одинаково высоко, хотя процессъ ихъ развитія былъ весьма различенъ. И наоборотъ, двѣ религіи могутъ занимать весьма различные уровни развитія, и однако совпадать по своему характеру. Долгъ занимающагося нашей наукой спеціально изучить и этотъ вопросъ.

Причины этого явленія очевидны. Различія, о которыхъ мы говоримъ, подобно тому какъ у индивидуумовъ опредѣляются ихъ расположеніемъ, темпераментомъ, условіями жизни, такъ точно и въ религіяхъ, равно какъ и въ обществахъ, опредѣляются ихъ національностью, исторіей, судьбами, и прежде всего ихъ происхожденіемъ. Все человѣческое несовершенно и ограничено, а потому и всякое человѣческое развитіе односторонне, и оказывается таковымъ въ большей или меньшей степени, смотря потому, стоитъ ли оно на болѣе низкомъ, или болѣе высокомъ уровнѣ. Отсюда возникаютъ разныя отличныя другъ отъ друга понятія, изъ коихъ, можетъ быть, каждое содержитъ частицу истины, но всѣ неизбѣжно являются несовершенными. Теперь, характеръ религіи, а слѣдовательно и направленіе ея развитія, зависитъ главнымъ образомъ отъ того понятія, которое составляютъ люди о своемъ богѣ или богахъ, отъ ихъ понятія о томъ, что такое божество для человѣка, и въ свою очередь объ отношеніи человѣка къ божеству, равно какъ объ отношеніи Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознаго человѣка, къ міру явленій. Это, однако, не какое-нибудь абстрактное философское понятіе о Богѣ, родившееся изъ умозрѣній отдѣльнаго мыслителя, а понятіе, въ которомъ никто никогда не можетъ дать яснаго отчета, понятіе, которое происходитъ изъ настроенія и эмоциональнаго состоянія, и которому только на послѣдокъ придается форма мыслью и поэтическимъ воображеніемъ. Это есть выраженіе чувства чрезъ посредство образовъ и ученій, и прежде всего религіозныхъ обрядовъ, чрезъ которые люди ищутъ общенія съ своимъ божествомъ. Разъ такое понятіе сдѣлалось основной и господствующей идеей извѣстной религіи, хотя и не всегда ясно выраженной, оно кладетъ свою печать на все послѣдующее

развитіе. Другія релігіозныя мысли, столь же законныя и воспринятія въ концепцію другихъ релігій, теперь, хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, оставляются безъ вниманія, остаются однако въ тѣни, и даже подвергаются опасности быть совершенно отгѣсненными на задній планъ. И чѣмъ скорѣе это происходитъ, чѣмъ раньше будетъ проведена демаркаціонная линия, тѣмъ болѣе односторонней будетъ релігіозная жизнь въ такой релігій или семействѣ релігій, и тѣмъ шире будетъ пропасть, отдѣляющая ее отъ другихъ релігій.

Къ этимъ общимъ причинамъ различій между релігіями должны быть присоединены еще особенныя тенденціи или направленія. Эти послѣднія главнымъ образомъ двухъ родовъ, соотвѣтственно съ народными релігіями и этическими релігіями. Сравнительная филологія, которая имѣла несчастье быть нѣкоторое время въ модѣ, и которой поэтому занимались не только настоящіе люди науки, но и поверхностные любители, въ послѣднее время потеряла къ себѣ довѣріе. Этимъ она была обязана, можетъ быть, отчасти своей юношеской самонадѣянности, поспѣшности своихъ мнимыхъ результатовъ, и своей маніи стараться объяснить все самой. Но тѣ, кто осыпаетъ ее незаслуженными упреками и желали бы совершенно отречься отъ нея, просто становятся смѣшны, и по своему невѣдѣнію сами себя лишаютъ неоцѣнимаго средства для того, чтобы пролить свѣтъ на исторію человѣческаго развитія. И однимъ изъ неоспоримыхъ результатовъ этой науки, который подтвержденъ этнографіей, является тотъ, что народы могутъ быть раздѣлены на группы, соотвѣтственно тѣмъ языкамъ, на которыхъ они говорятъ. Равнымъ образомъ и изученіе релігій привело къ такому же результату. Если филологія установила существованіе по крайней мѣрѣ двухъ великихъ семействъ языковъ, арійскаго или индо-германскаго и семитическаго, то изученіе релігій показало, что этимъ двумъ семействамъ соотвѣтствуютъ также и двѣ различныя группы релігій. Какъ между языками, такъ и между релігіями народовъ, принадлежащихъ къ этимъ семействамъ, существуетъ несомнѣнное различіе, но въ то же время и столь неоспоримое сходство, что мы вынуждаемся смотрѣть на нихъ, какъ на отпрыски одного доисторическаго языка или релігій. Здѣсь мы, однако, не просто лишь примѣняемъ къ наукѣ о релігій то, чему учитъ филологія, какъ будто бы родство языковъ необходимо уже предполагаетъ и родство релігій. Безспорно, что наука о языкѣ

положила путь для науки о религии, и послѣдняя, поэтому, весьма многимъ обязана первой; однако не настолько, чтобы для нея устранена была необходимость самостоятельнаго изслѣдованія. Въ каждой религии, такимъ образомъ, и мы нашли двоякую тенденцію развитія, — одну, свойственную только ей одной, другую, общую ей вмѣстѣ съ другими, — и двоякій характеръ, — одинъ, ея индивидуальнѣй, и другой, ея фамильный характеръ. Теперь, что касается натуръ - религій, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, то такое согласіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что онѣ родственны между собою, или иными словами, что онѣ произошли изъ одной древней, давно уже угасшей религии; различія же между ними объясняются тѣмъ фактомъ, что, вслѣдствіе распаденія народа - матери на нѣсколько другихъ, онѣ развивались независимо и подъ вліяніемъ разнаго рода окружающихъ условій приобрѣли свой собственный особенный характеръ. Что касается этическихъ религій, то и онѣ, несмотря на то, что являются порожденіемъ индивидуальной проповѣди, намѣренной реформаціи, не утрачиваютъ всецѣло своего фамильнаго характера, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда реформа возникла не въ собственной ихъ націи, а вызвана была въ жизнь проповѣдью чужеземныхъ пророковъ и апостоловъ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, именно въ религіяхъ, которыя мы назвали универсалистическими, и гдѣ, какъ мы указывали раньше, образовались такимъ образомъ новыя группы или семьи религій, буддійская, мохаммеданская, и христіанская, мы можемъ еще ясно прослѣдить послѣдствія древняго этико-религіознаго направленія. Для занимающагося нашей наукой это представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ для изслѣдованія, которое приводитъ порою къ поразительнымъ результатамъ.

Эти общія соображенія мы должны теперь иллюстрировать нѣсколькими примѣрами изъ исторіи.

Для этого мы возьмемъ два семейства религій, которыя лучше всего извѣстны намъ и изученіе которыхъ сдѣлало наибольшіе усилія, хотя они и представляютъ еще обширное поле для дальнѣйшаго изслѣдованія. Какъ вы можете догадываться, я разумѣю тѣ, многократно уже упоминавшіяся мною два семейства, которыя соответственно языкамъ исповѣдующихъ ихъ народовъ, а также и ради удобства, обычно называются арійскимъ или индо-германскимъ и семитическимъ. Чтобы обозначить направленіе, въ которомъ они развивались,

я опредѣляю ихъ какъ *теантропическія* и *теократическія*. Слова эти легко понятны. Первое, составленное изъ θεός, богъ, и ἄνθρωπος, человѣкъ, указываетъ на особенное значеніе, придаваемое θεῶν ἐν ἀνθρώπῳ, «божественному въ человѣкѣ», и его родственности съ Богомъ; второе, отъ θεός и κρατεῖν, управлять, означаетъ, что излюбленной темой, которой занимаются эти религіи, является господство Бога надъ міромъ людей и природы. Теперь, всѣ религіи, въ извѣстной, хотя и весьма различной мѣрѣ, необходимо являются и теантропическими и теократическими. Иными словами, религія, которая была бы совершенно лишена одного изъ этихъ элементовъ, не была бы въ дѣйствительности совсѣмъ и религіей. Поклоненіе, которое есть душа религіи, предполагаетъ и требуетъ не только чувства родства съ Богомъ, но и чувства подчиненія Богу. Ни то, ни другое не можетъ быть совершенно устранено, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда одно изъ нихъ развивается въ ущербъ другому и проводится до самыхъ крайнихъ слѣдствій. Въ теантропическихъ религіяхъ человѣкъ никогда не становится совершенно равнымъ божеству, по крайней мѣрѣ высшему божеству, но всегда остается подчиненнымъ ему. Равнымъ образомъ и въ религіяхъ теократическихъ, человѣкъ является созданнымъ по образу Божію и ищетъ близости къ Богу. Различіе здѣсь, слѣдовательно, только относительное, состоящее въ томъ, что только одинъ изъ этихъ элементовъ выступаетъ на первый планъ, никогда однако не исключая всецѣло другаго, а только оставляя его въ тѣни и такимъ образомъ препятствуя его развитію. Какъ скоро такая односторонность грозитъ сдѣлаться чрезмѣрной, наступаетъ реакція. Мы разумѣемъ, слѣдовательно, лишь то, что одно изъ двухъ семействъ развивается болѣе въ теократическомъ направленіи, другое въ теантропическомъ. Теократическій элементъ господствуетъ у такъ называемыхъ семитовъ, теантропическій у такъ называемыхъ арійцевъ.

Это обнаруживается прежде всего изъ тѣхъ общихъ именъ, какія они даютъ своимъ богамъ. Я сказалъ, что религія главнымъ образомъ характеризуется ея понятіемъ объ отношеніи между Богомъ и человѣкомъ, между Богомъ и міромъ. Это-то именно понятіе обычно и выражается въ такихъ общихъ именахъ. Въ теократическихъ религіяхъ всѣ боги, такъ или иначе, являются могущественными, возвышенными правителями. Самымъ обычнымъ именемъ, которое дается имъ, служитъ *El*

или *Ии*. Первоначальное значеніе этого слова точно неизвѣстно. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что оно означаетъ «высокій», «высшій»; другіе, и сами семиты, извѣщаютъ его какъ «могущественный, сильный». Для нашей цѣли различіе это не имѣетъ существеннаго значенія. Во главѣ ихъ иногда ставится *El dyôn*, высочайшій Богъ, о священникѣ коего Мелхиседекъ мы читаемъ въ четырнадцатой главѣ Бытія. Называются они также господами «*Bêli, Ba'alim, Adonim*», для каковыхъ названій арамен и, слѣдуя ихъ примѣру, филистимляне, употребляютъ другіе синонимы. «Царь», *Malik «Sharru»*, едва ли менѣе употребительно. Во всѣхъ этихъ названіяхъ, такимъ образомъ, заключается идея господства и владычества; и едва ли нужно указывать, что на Востокѣ, по крайней мѣрѣ у только что названныхъ народовъ, подъ нимъ разумѣется господство абсолютное, неограниченное. Сообразно съ этимъ и въ отношеніи къ небеснымъ правителямъ ихъ почитатель чаще всего называетъ себя ихъ «слугою» или «рабомъ», *ebed, abdu*, иногда ихъ «*protégé*» или «клиентомъ», или самое большее ихъ «любимцемъ», *migiv, namat*, на подобіе того, какъ были фавориты у деспотическихъ правителей и абсолютныхъ монарховъ. Глубочайшее самоуниженіе предъ божествомъ выражается въ названіи себя его «псомъ», *kalbu, kèlêb*. Достоинство посланника или пророка Божія усвоается только немногимъ избранныкамъ. Право называться сыномъ божіимъ и именовать Бога отцомъ въ теократическихъ религіяхъ принадлежитъ только одному царю, какъ представителю и намѣстнику Бога на землѣ; а въ Израилѣ, напримѣръ, не дозволялось даже и этого, и царь называется просто лишь помазанникомъ Ягве. Такое преобладаніе одной и той же основной идеи во всѣхъ именахъ, которыми означается божество вообще, равно какъ и въ именахъ, которыми его почитатели называютъ себя какъ таковыхъ, не можетъ быть случайнымъ, а необходимо должно стоять въ связи съ характеромъ даннаго семейства религій.

Въ общихъ или родовыхъ именахъ боговъ въ теантропическихъ религіяхъ господствуетъ большее разнообразіе. И этого слѣдовало ожидать. Народы, являющіеся представителями теократическихъ религій, семиты, живутъ тѣсно сплоченными, какъ близкіе сосѣди. Аріійскіе народы, которые представляютъ теантропическія религіи, съ самыхъ древнихъ временъ разсѣяны были по тремъ четвертямъ земного шара. Какъ языки, такъ и религіи порвыхъ гораздо болѣе родственны между со-

бою, чѣмъ языки и религіи послѣднихъ. Равнымъ образомъ и теократическая основная идея гораздо легче выражается въ нѣсколькихъ синонимахъ, нежели теантропическая. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наиболѣе господствующимъ названіемъ божества является *deva, deus* (съ нѣсколькими родственными формами), что значить «небесные», или можетъ быть первоначально «блистающіе», а затѣмъ—противопоставленныя этимъ именамъ въ позднѣйшій періодъ иранцами и индійцами—*ahura, asura*, «существа», «живущіе духи», каковое значеніе можетъ быть первоначально принадлежало и германско-скандинавскимъ *asa, aesir*. Смыслъ этихъ словъ столь неясенъ и неопредѣленъ, что *daëra* у иранцевъ и *asura* у индійцевъ въ послѣдствіи прилагались только къ злымъ духамъ. Оба эти народа весьма любятъ называть своихъ боговъ «богатыми даятелями» или «раздаятелями судьбы», *bhaga, bagha*, и въ обладаніи этимъ словомъ сходятся съ славянскими народами (*богъ*). Собственное значеніе германскаго *god* остается еще загадочнымъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего характеристичнаго. Достопримѣчательно, однако, что, хотя идея господства боговъ здѣсь отнюдь не исключается, нѣкоторымъ изъ нихъ дается и названіе царя или владыки—Варуна есть *samrāj*, «все-правитель», Индра *svarāj*, «самоправитель», иранскій Солнце-богъ *khshaëta*, «правитель», или собственно «блистающій»,—боги обычно никогда не обозначаются какъ таковые. И прежде всего мы должны отмѣтить, какъ любятъ теантропическія религіи называть своихъ боговъ именемъ отца или матери. Такъ въ Ригведѣ, древнѣйшемъ религіозномъ памятникѣ нашей расы, десять высшихъ боговъ называются этимъ именемъ. Равнымъ образомъ въ Авестѣ, священной книгѣ заратустрианъ, Агура Мазда, высочайшій и единственно истинный Богъ въ системѣ, часто называется отцомъ. Точно также и греки называютъ Зевса *πατήρ*, «отцомъ боговъ и людей», а у римлянъ имѣются *Jupiter, Diespiter, Marspiter*. Наши предки, опять, называли своего Водана или Одина *Alvader, Alsöðhr*, хотя я и не буду настаивать на этомъ, такъ какъ здѣсь нѣкоторые видятъ вліяніе христіанства. Я не забываю также—и я уже указывалъ на это—что въ теантропическихъ религіяхъ древности данное понятіе еще не имѣло того возвышеннаго значенія, какое дано было ему въ Евангеліи. Тѣмъ не менѣе оно заключало въ себѣ идею ближайшаго и тѣснѣйшаго родства. И я опять спрашиваю, простой ли то случай, что

Евангеліе объ отеческой любви Бога, хотя впервые проповѣдано было семитами, было отвергнуто ими и осталось у нихъ почти бесплоднымъ, тогда какъ арійцами Европы немедленно было принято какъ радостная вѣсть о спасеніи.

Во всякомъ случаѣ, какъ искренно чувствовалось въ древности отчество боговъ, можно видѣть изъ многочисленныхъ собственныхъ именъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи, особенно у грековъ и индійцевъ, которыми родители не только обозначали своихъ дѣтей какъ даръ Божій (Theodóros, Theodotos, Theodosios, Diodóros, Devadatta), или какъ ихъ любимецъ и избранниковъ (Theodektés, Theokritos, Theoxenos), но и какъ близко родственныхъ божеству (Theogetón—т. е. со-сѣдъ Божій—или Devavatta, «кого Богъ имѣетъ близъ себя»), или даже какъ рожденныхъ отъ него (Theogenês, Theagenês, Davajñâ). Если въ теократическихъ религіяхъ преобладаетъ чувство возвышенности божества и абсолютнаго его господства надъ человѣкомъ, то въ теантропическихъ на первый планъ выступаетъ тѣсное родство между Богомъ и человѣкомъ, какъ это выразили Аратъ и Клеанъ: «Мы также Его родъ», или еще лучше Пиндаръ въ его часто цитируемыхъ словахъ: "Ἐν ἀνδρῶν, ἐν θεῶν γένος, ἐκ μιᾶς δὲ πνεόμεν ματρὸς ἀμφότεροι («Одинъ родъ людей, одинъ боговъ, отъ одной матери мы оба получаемъ дыханіе»).

Мы уклонились бы далеко въ сторону, если бы я вздумалъ подробно показать, какъ эти различія направленія отражаются на всей системѣ ученія. Въ качествѣ примѣровъ я укажу только на ученіе о твореніи и управленіи міра. Во всѣхъ древнихъ религіяхъ твореніе сначала понимается какъ дѣланіе, образованіе, или строеніе. Но когда народъ переро-стаетъ это дѣтское представленіе, то теократическій Богъ творитъ своимъ всемогущимъ словомъ: «Онъ сказалъ, и сдѣлалось; Онъ повелѣлъ, и явилось»; въ теантропическихъ религіяхъ, напротивъ, руководящей идеей служить *эманация*; весь міръ явленій проистекаетъ изъ самого божества, и въ безконечномъ возникновеніи и уничтоженіи міровъ выдыхается и вдыхается имъ.

Въ управленіи міромъ боги теократическихъ религій являются высшими или единственными правителями. Даже злые духи, ангелы губители, существа, приносящія людямъ бѣдствія и болѣзни, находятся подъ ихъ властью, и ничего не дѣлаютъ безъ ихъ позволенія. Таковы семь злыхъ Утуковъ, посылае-

мые главнымъ вавилонскимъ богомъ Ану; таковъ же и сатана книги Іова. Когда, равнымъ образомъ, въ умѣ семита возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ порядокъ міра и жребій человека можетъ быть примиренъ съ правдой Бога, и причиняетъ ему столь мучительное страданіе, что «едва,—какъ говоритъ авторъ 73-го псалма,—не поскользнулись стопы его», то онъ утѣшаетъ себя мыслью, что счастье нечестивыхъ только временное, что конецъ ихъ не можетъ быть миренъ, и что Богъ въ концѣ концовъ предастъ ихъ посрамленію. И когда въ прологѣ только что упомянутой мною книги Іова, этой прекраснѣйшей изъ всѣхъ религіозныхъ поэмъ древности, страданія праведника представляются какъ испытаніе, чрезъ которое должны быть доказаны твердость его вѣры и постоянство его благочестія, то сама исторія даетъ истинно теократическое рѣшеніе. Разсужденія друзей-доктринеровъ заставили бѣднаго страдальца потерять терпѣніе. Онъ не смиряется. Онъ жалуется на причиненную ему несправедливость. Онъ составляетъ съ своимъ Творцомъ. Но вотъ Самъ Богъ входитъ въ судъ съ нимъ и обличаетъ его въ рѣчи, которая представляетъ ничто иное, какъ описаніе Его всемогущей силы въ качествѣ Творца и Правителя міра. Почему Онъ такъ жестоко, и по-видимому такъ несправедливо наказалъ Іова, Своего вѣрнаго раба, и какъ это можетъ быть примирено съ Его правдою, этотъ вопросъ обходится молчаніемъ. Вся рѣчь можетъ быть сведена къ вопросу: «Ты ли Тотъ, кто сотворилъ все? Ты ли Всемогущій, который управляетъ всѣмъ и распоряжается всѣми вещами?» И отвѣтъ сокрушеннаго страданіемъ полонъ раскаянія и покорности: «Вотъ я ничтоженъ; что буду я отвѣчать Тебѣ? Руку мою полагаю на уста мои».

Теократическій Богъ ничѣмъ не можетъ быть связанъ. Законъ его властвуетъ надъ всѣми людьми, и онъ строго примѣняетъ его, называя преступниковъ, но самъ не связанъ имъ. Онъ поступаетъ по своему благоизволенію, и не отвѣтственъ за свои дѣйствія. Какъ абсолютный владыка, онъ даритъ и лишаетъ своего расположенія, и никто не въ правѣ спрашивать у него объясненія. Все, что ни случается, представляетъ не только его волю, но и является его прямымъ дѣломъ. Гдѣ теократическая идея проводится, какъ напр. въ Исламѣ, до крайней односторонности, тамъ становятся излишни всѣ посредствующія причины и объясненія. Для всего здѣсь есть только одна причина, одно объясненіе: Богъ такъ

хочеть. Здѣсь воспоминается мнѣ одинъ разсказъ, сообщаемый Альфредомъ ф. Кремеромъ въ одномъ изъ его интересныхъ историческихъ трудовъ. Не знаю, достовѣренъ ли этотъ разсказъ, но онъ подлинно арабскаго происхожденія и высоко характеристиченъ. Одинъ еврейскій врачъ, такъ гласить разсказъ, показалъ однажды египетскому султану наполненную ядомъ чашу и увѣрялъ его, что половины ея содержимаго вполне достаточно, чтобы убить человѣка. «Да, но только если Аллахъ такъ хочеть!» воскликнулъ султанъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ схватилъ чашу и осушилъ ее однимъ духомъ. Къ счастью для повелителя правовѣрныхъ его желудокъ оказался не такъ силенъ, какъ его вѣра, и тотчасъ же выбросилъ вонъ ядь, котораго не могъ принять въ такомъ количествѣ. Набожный мохаммеданинъ, который умеръ бы отъ половины, остался живъ благодаря тому, что принялъ все. Его вѣра, заслуживавшая такого результата, одержала такимъ образомъ блистательную побѣду.

Въ теантропическихъ религіяхъ боги являются могущественными существами, торжествующими надъ духами тьмы и безплодія, покровителями и союзниками своихъ почитателей, которые съ своей стороны всегда ревностно стараются исполнять ихъ волю. Тѣмъ не менѣе они не обладаютъ неограниченнымъ всемогуществомъ. Правда, грозныя силы природы, Гіанты и Титаны, Іотуны и Турсы, иранскіе Девы и индійскіе Азуры постоянно терпятъ пораженіе, однако не всецѣло уничтожаются. Эти силы полновластно господствуютъ въ своемъ собственномъ царствѣ, надъ которымъ добрые боги не имѣютъ никакой власти; туда они осмѣливаются проникать только въ перереженномъ видѣ, чтобы затѣмъ какъ можно скорѣе опять удалиться отсюда, тогда какъ, наоборотъ, въ вавилонскомъ, напримѣръ, мифѣ о схожденіи Иштаръ въ адъ, Алатъ, царица подземнаго міра, по приказанію Еа, одного изъ главныхъ боговъ, вынуждается освободить эту богиню изъ своего плѣна. Даже въ этическомъ заратустризмѣ, который, можетъ быть, возникъ до нѣкоторой степени подъ семитическимъ вліяніемъ, Агура Мазда царствуетъ лишь на небѣ, тогда какъ въ аду царствуетъ Ангра Майнью; и въ Вайю, области, лежащей между небомъ и адомъ — землѣ съ ея атмосферой, они оба пользуются властью, такъ что добрый богъ оказывается не въ состояніи помѣшать Духу Лжи исказить свои чистыя созданія его противоположною творческою дѣятельностью. Такимъ обра-

зомъ, здѣсь всегда извѣстная часть міра остается чуждой владычества боговъ. Ихъ власть ограничена, ихъ воля не всегда исполняется, и много случается такого, что прямо противоположно ихъ желаніямъ. Не всегда даже извѣстно, что и это ограниченное владычество будетъ вѣчнымъ. Въ Рагнарѳкѣ, «сумеркахъ боговъ», Асы и Ваны погибнуть, и только нѣкоторые изъ нихъ будутъ жить опять въ обновленномъ мірѣ. И въ ушахъ страдающаго Прометея звучитъ пророчество, что владычество бога, который мучитъ его, пылѣ еще верховнаго Зевса, нѣкогда будетъ имѣть конецъ.

Дальнѣйшій пунктъ, который долженъ быть особенно отмѣченъ, состоитъ въ томъ, что воля боговъ не всегда является высочайшимъ закономъ во вселенной. Я не буду пытаться теперь рѣшить трудный вопросъ касательно власти Судьбы въ теантропическихъ религіяхъ. Если бы я захотѣлъ подробно заняться имъ, то боюсь, что для этого не хватило бы ни времени, находящагося теперь въ нашемъ распоряженіи, ни моихъ собственныхъ силъ, ни вашего терпѣнія. Однако, я не могу пройти этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Гомеровскія поэмы часто упоминаютъ объ *Aisa* или *Moira*, слова, которыя переводятся выраженіемъ Рокъ или Судьба и для которыхъ порою употребляется слово *Anagkē*, необходимость. Теперь, вопросъ, относительно котораго разногласятъ ученые, заключается въ томъ, боги ли опредѣляютъ эту судьбу, устанавливаютъ эту необходимость, или же сами они опредѣляются ею, и вынуждаются повиноваться ей иногда даже вопреки собственнымъ своимъ желаніямъ. Доказательства могутъ быть приведены въ пользу обоихъ взглядовъ. Иногда говорится о владычественномъ Опредѣленіи, *Moira* боговъ, и Судьбѣ, *Aisa* Зевса. Это служитъ доказательствомъ въ пользу перваго взгляда. Но есть другія мѣста, гдѣ Зевсъ справляется съ Судьбою и исполняетъ ея опредѣленія, хотя бы вопреки своему собственному намѣренію и желанію спасти кого-нибудь изъ своихъ любимцевъ. Это говоритъ въ пользу втораго взгляда. Но какъ бы то ни было, *Moira* или Судьба во всякомъ случаѣ ясно отличается отъ боговъ, и иногда ставится даже выше ихъ. То, что они объявляютъ и исполняютъ, представляетъ не собственное ихъ свободное рѣшеніе, выражающее ихъ собственную волю, а необходимость, о происхожденіи которой не полагается спрашивать, и которая опредѣляется независимо отъ воли даже самыхъ высшихъ боговъ. Такое представленіе не

есть неизбѣжный результатъ политеизма, но оно встрѣчается только въ теантропическихъ религіяхъ, и возможно дѣйствительно только въ нихъ однѣхъ.

То же самое нужно сказать и о двухъ другихъ понятіяхъ, представляющихъ собственно двѣ фазы одного и того же понятія, которыя также не встрѣчаются и не возможны въ религіяхъ теократическихъ, а прямо вытекаютъ изъ теантропическаго принципа—я разумѣю *апотеосисъ* и *инкарнацію*, т. е. обожествленіе человѣка и имперсонацію боговъ. Посредники между человѣкомъ и Богомъ, посланники Бога, которые возвѣщаютъ Его благословенія и откровенія людямъ, и, съ другой стороны, возносятъ ихъ молитвы и дары къ Его престолу, встрѣчаются во всѣхъ религіяхъ. Такими посредниками являются или дѣйствительные, но всегда подчиненные, видимые боги, обыкновенно боги солнца, огня, молніи, или вѣтра, или низшіе небесные духи, или люди, посвященные Богу, одушевленные Его духомъ, одаренные отъ Него чудесной силой и сверхчеловѣческимъ знаніемъ, или удостоенные особенныхъ откровеній. Они не чужды и теократическимъ религіямъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ выше надъ міромъ стоитъ само высочайшее божество, и чѣмъ шире пропасть, отдѣляющая его отъ человѣка. Но мысль, что богъ можетъ дѣйствительно стать человѣкомъ, представляется для послѣдователей теократической религіи крайнимъ нечестіемъ. На слова «вы будете какъ боги» они смотрятъ какъ на голосъ искуителя. Въ теантропическихъ религіяхъ, которыя всецѣло проникнуты понятіемъ *theanthrōpos* а. богочеловѣка, наоборотъ, это какъ разъ составляетъ излюбленный идеаль, цѣль, къ которой онѣ стремятся всѣми своими силами. Въ теологіи это является источникомъ самыхъ смѣлыхъ созданій религіозной фантазіи. Боги, къ которымъ благочестивый человѣкъ справедливо желаетъ приблизиться, должны сами сдѣлаться людьми, хотя бы только на время, и хотя бы они никогда не могли при этомъ всецѣло лишиться своего небснаго происхожденія или утратить свое божество. Всякое событіе въ ихъ исторіи, поэтому, должно отличаться отъ всего того, что бываетъ съ другими людьми. Ихъ жизнь отъ рожденія до смерти представляетъ непрерывный рядъ чудесъ. Тѣмъ не менѣе эти сыны божіи, пока они обитаютъ на землѣ, являются дѣйствительными людьми, какъ напримѣръ Аполлонъ и Кришна, когда они въ качествѣ поднасковъ нсутъ стада, или какъ Гераклъ и Рама, когда они въ качествѣ

слугъ или невольниковъ совершаютъ тяжкіе труды и побѣждаютъ враговъ своихъ почитателей, или подобно другимъ *аватарамъ* бога Вишну, о которыхъ рассказываютъ индійскія легенды. Наоборотъ, люди или мнимые люди превращаются въ боговъ. Въ апотеозѣ перевернуты мнѣя о вочеловѣчившихся богахъ и преобразованы въ легенды о великихъ герояхъ, про рокахъ, или реформаторахъ прошедшихъ вѣковъ. Таковы, на примѣръ, легенды о Кирѣ, основателѣ великой персидской имперіи, о Заратустрѣ, иранскомъ реформаторѣ, о Буддѣ Гаутамѣ, основателѣ весьма распространеннаго монашескаго ордена. Государи обожествляются даже еще при жизни, и въ интересахъ своей династіи они допускаютъ это, или даже сами присваиваютъ себѣ такую честь. Обожествленіе государей имѣетъ весьма древнее происхожденіе. Мы находимъ его практиковавшимся особенно въ Египтѣ уже въ самый древній періодъ. Древнѣйшіе вавилонскіе цари также ставятъ предъ своими именами знакъ божества. Но примѣчательно, что, когда семитическій элементъ въ Вавилоніи сталъ сильнѣе и наконецъ достигъ господства, цари уже не называютъ себя болѣе богами, а только довѣренными, возлюбленными, или священниками бога. Равнымъ образомъ и въ Израилѣ личность царя была священной, но только въ качествѣ помазанника Божія, а не въ качествѣ бога или сына божія. Арійскіе государи, напротивъ, часто называются Девами, и любятъ выводить свой родъ отъ какакого-нибудь божества. Уничтоженіе царскаго званія въ Греціи и Римѣ и рационалистическое направленіе греческой цивилизаціи на нѣкоторое время оттѣснили данную идею на задній планъ, но она ожила и затѣмъ окончательно умерла въ апотеозѣ римскихъ императоровъ.

Но если государь есть богъ, то и каждый человѣкъ въ дѣйствительности предназначенъ сдѣлаться тѣмъ же, и къ этому направляются всѣ усилія благочестиваго человѣка въ театропическихъ религіяхъ. Чтобы видѣть эти религіи во всей ихъ силѣ, намъ нужно наблюдать ихъ въ Индіи. Всѣ другія театропическія религіи, о которыхъ сохранились историческія извѣстія, болѣе или менѣе приходили въ соприкосновеніе съ теократическими и испытали на себѣ ихъ вліяніе. Это довольно вѣроятно относительно персидскихъ религій, и несомнѣнно относительно греческой, а посредственно слѣдовательно и относительно римской. Христіанскіе и классическіе элементы безспорно находятся въ Эддѣ, содержащей древнѣйшіе, хотя отно-

сительно и поздніе, памятники скандинавской религии, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые. Но для меня кажется весьма сомнительнымъ, чтобы аріицы Индіи когда-нибудь находились подъ семитическимъ вліяніемъ и потому могли что-либо заимствовать изъ теократическихъ религій. Здѣсь такимъ образомъ мы знакомимся съ теантропизмомъ въ самой крайней его односторонности. Жертвы, первоначально разсматривавшіяся какъ долгъ почтенія къ богамъ и какъ средство для того, чтобы усилить ихъ или обезпечить ихъ помощь, съ теченіемъ времени становятся чисто мистическими обрядами, которые не имѣютъ никакого отношенія къ какому-либо опредѣленному богу, а имѣютъ своей цѣлью только доставить почитателямъ сверхъестественную силу, чтобы они могли противодѣйствовать силѣ враждебныхъ духовъ. Въ свою очередь и эти обряды скоро лишаются всякаго уваженія. Эта сверхъестественная сила можетъ быть гораздо лучше добыта другими способами—спокойнымъ созерцаціемъ и аскетизмомъ. При помощи этихъ средствъ, человѣкъ можетъ собственными своими силами и стараніями достигъ *moksha* или искупленія,—т. е. можетъ стать выше всего конечнаго и ограниченнаго, выше удовольствія и страданія, выше желанія и отвращенія, выше любви и ненависти,—можетъ достигъ состоянія, которое, будучи проведено послѣдовательно, находитъ свое завершеніе въ не-бытіи, въ буддійской Нирванѣ. Но въ этомъ состояніи человѣкъ дѣлается равнымъ богамъ,—мало того, даже выше ихъ. Существуютъ многочисленные рассказы о мистическихъ подвижникахъ покаянія, которые достигли такой высоты самоотрицанія, что боги трепещутъ даже за свою собственную силу и власть, и изобрѣтаютъ всякаго рода соблазны и страхи, чтобы низвергнуть святого, который такъ превзошелъ ихъ, съ его высокаго положенія. Индійскій пантеизмъ, который отождествляетъ индивидуальную душу съ міровой душой, пролагаетъ путь для различныхъ системъ, и между прочимъ для буддизма, который только въ малой степени представляетъ реакцію противъ браманизма, въ главномъ же является его продолженіемъ. Его называли атеистичнымъ; и съ теократической точки зрѣнія, равно какъ и съ нашей собственной, онъ дѣйствительно представляется такимъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не таковъ. Онъ возвышаетъ человѣка до престола высочайшаго божества. Въ легендахъ о Буддѣ ученые открыли, и вполне справедливо, древній мифъ о солнцѣ. Но это отнюдь не объясняетъ, почему

бы Будда былъ названъ древнимъ божествомъ. Историческій ли, или мифическій, но онъ есть человѣкъ, основатель монашескаго ордена; онъ жилъ, по моему убѣжденію, какъ человѣкъ, или по крайней мѣрѣ сначала почитался за человѣка, и только впоследствии былъ такъ возвеличенъ своими послѣдователями, что въ немъ объединены были всѣ атрибуты высочайшаго бога и для него создана была изъ древнихъ мифовъ о богахъ чудесная исторія жизни. Онъ, райянья, даже не браминъ, путемъ достигнутаго имъ *bodhi*, высшаго просвѣщенія, успѣлъ возвыситься надъ всѣми богами. Индра и Брама, два высшихъ божества двухъ предшествующихъ періодовъ, ведическаго и браманическаго, становятся подлѣ него въ качествѣ служебныхъ спутниковъ. Такимъ образомъ театропизмъ, въ его одностороннемъ развитіи, съ полнымъ почти пренебреженіемъ къ истинѣ, воплощенной въ теократическихъ религіяхъ, достигъ здѣсь своей конечной цѣли. Богъ, въ теократическомъ смыслѣ, былъ низвергнутъ съ трона, и человѣкъ сталъ Богомъ.

Въ теократическихъ религіяхъ, наоборотъ, по мѣрѣ того какъ ихъ развитіе движется впередъ, пропасть между божествомъ и человѣчествомъ становится все шире и шире. Правда, существуютъ рассказы отъ стараго времени о богахъ, которые сходили на землю, но это было въ тѣ времена, когда на ней обитали существа иного вида, отличныя отъ настоящаго поколѣнія людей; сообщается о нѣкоторыхъ избранникахъ, которые наслаждались общеніемъ съ Богомъ какъ человѣкъ съ своимъ другомъ, но также только въ давно минувшіе вѣка; говорится также о пророкахъ, которымъ нѣкогда дозволялось видѣть славу Его, хотя при Его приближеніи они съ трепетомъ закрывали лица свои, и когда открывали ихъ, не видѣли ничего кромѣ краевъ божественной одежды. Но съ позднѣйшими поколѣніями Богъ сообщался только чрезъ своихъ вѣстниковъ или ангеловъ, или открывалъ свою волю во снахъ и видѣніяхъ, посредствомъ знаменій и чудесъ. Въ непосредственномъ общеніи съ Нимъ не стоитъ теперь никто. Теократическій Богъ обитаетъ въ таинственномъ уединеніи. Онъ—святъ, что значить первоначально: неприступенъ. Человѣкъ, который видитъ Его, долженъ умереть. Даже низшіе боги не могутъ проникать на небо Всевышняго. По вавилонскому разсказу о потоцѣ, они стремятся туда, будучи устрашены поднимающимися водами, но могутъ только тѣсниться около входа. Внутри его они не допускаются. Храмы театропическихъ боговъ стоятъ открытыми. Это свя-

ценныя мѣста, но всякій, кто приближается къ нимъ съ почитеніемъ, можетъ войти, чтобы поклониться и принести свои дары, а знаменитыя лица пользуются даже привилегіей на помѣщеніе ихъ статуй въ самомъ святилищѣ рядомъ съ изображеніями самого бога. Напротивъ, храмы теократическихъ боговъ окружены высокими стѣнами. Хотя чужеземцы, которые не принадлежатъ къ настоящимъ почитателямъ, могутъ иногда допускаться во внѣшній дворъ, но священная земля, на которой стоитъ храмъ, не должна попирацца ничьей нечестивой ногою; въ самый храмъ могутъ входить только священники. Хотя внутреннѣйшее святилище и даже для нихъ, за единственнымъ исключеніемъ, остается запрещеннымъ мѣстомъ. Въ Исламѣ, наиболѣе теократичномъ изъ всѣхъ религій, эти запрещенія простираются даже на всю область священныхъ мѣстъ. И здѣсь, во внутреннѣйшемъ святилищѣ своего земнаго обиталища, куда никто не можетъ входить, кромѣ царя, который считается сыномъ божіимъ, или же одного или нѣсколькихъ первосвященниковъ, да и то въ особенныхъ случаяхъ, обитаетъ само высочайшее божество въ святомъ покоѣ, не возмущаемое шумомъ толпы поклонниковъ, сокрытое отъ взоровъ любопытныхъ. Здѣсь оно представляется или мистическими, мертвыми или живыми, символами, или какимъ-нибудь изображеніемъ, и въ этомъ случаѣ обычно самымъ древнимъ и священнымъ, которое было сдѣлано не чьей-нибудь смертною рукою, а упало съ самаго неба. Болѣе новыя, болѣе красивыя и художественныя изображенія могутъ быть помѣщаемы только въ другихъ частяхъ храма, но не здѣсь. Гдѣ не допускается никакого изображенія божества, какъ напр. въ іерусалимскомъ храмѣ, тамъ прямо говорится, что Ягве обитаетъ въ Святомъ Святыхъ между херувимами, охраняющими священный ковчегъ.

Такое же характеристическое различіе обнаруживается и въ культѣ. Но и здѣсь, опять, мы должны воздержаться отъ детального разсмотрѣнія вопроса и ограничиться нѣсколькими набросками. Конечно, и въ теантропическихъ религіяхъ нѣтъ недостатка почитенія къ богамъ, и даже страха предъ ними. Но между ними и ихъ почитателями здѣсь господствуетъ извѣстная довѣрчивость, или даже фамиллярность, которая порой граничитъ съ непочтительностью и становится почти иррелигиозной. Ведическій пѣвецъ обнаруживаетъ только неподдѣльную панвность, когда говоритъ своему богу: «Если бы я былъ ты, и ты былъ я, тогда, послѣ такого приношенія, я далъ бы

тебѣ, чего ты желать бы». Но хуже, когда почитатель не совѣстится провести божество ловкимъ обманомъ. Я укажу на такіе мнѣиескіе рассказы, какъ о Прометѣѣ у Гезіода и о Нумѣ Помпилии у Овидія. Позвольте мнѣ именно напомнить вамъ ихъ. Прометей, древній богъ огня, который постепенно сдѣлался богочеловѣкомъ, всегда настроенный противъ Зевса и готовый, гдѣ только можетъ, обмануть его, научаешь людей, коихъ онъ творецъ и покровитель, какъ нужно раздѣлнить при принесеніи жертвы различныя части убитаго животнаго: Зевсъ можетъ тогда самъ выбрать для себя. Съдобныя части онъ прячетъ подъ кожей животнаго, какъ будто онѣ не имѣютъ никакой цѣны, и кладетъ ихъ по одну сторону, а по другую выставляетъ кости и бедра, покрытыя блестящимъ жиромъ. Набожный Гезіодъ, который не можетъ допустить мысли, чтобы Зевсъ дѣйствительно былъ обманутъ, представляетъ дѣло такъ, что послѣдній оказывается достаточно благороднымъ, чтобы удовольствоваться худшими частями, хотя обманъ отнюдь не остался не замѣченнымъ имъ. Первоначальная версія легенды, вѣроятно, была нѣсколько иная. Какъ бы то ни было, суть дѣла въ томъ, что въ теантропическихъ религіяхъ люди лучшія вещи оставляютъ для себя самихъ, отдавая богамъ то, что имѣетъ для человѣческой жизни менѣе важное значеніе. Данный мнѣ обманъ имѣетъ этиологическое значеніе, т. е. онъ служитъ для объясненія такого обычая.

Такого же рода мнѣ составляетъ основу забавнаго рассказа о Нумѣ Помпилии, передаваемаго Овидіемъ. Цѣль его—объяснить уничтоженіе человѣческихъ жертвъ, бывшихъ въ большомъ употребленіи у римлянъ и требовавшихся какъ Юпитеромъ Элиціемъ (*Jupiter Elicius*), такъ и другими богами. *Caput*, голова, требуется богомъ. Нума приноситъ ему луковницу, *sera*. Нѣтъ; Юпитеръ требуетъ человѣческую голову! Тогда Нума представляетъ человѣческіе волосы, *capillus*. Нѣтъ, восклицаетъ Юпитеръ, живую душу, *anima*! Нума предлагаетъ ему послѣ этого маленькую рыбку, *maena*. Юпитеръ оказывается настолько добродушенъ, что забавляется такой шуткой, и съ этихъ поръ довольствуется тѣми или другими замѣнами человѣческихъ жертвъ. Этотъ рассказъ, несомнѣнно не выдуманный поэтомъ, хотя и переданный особеннымъ свойственнымъ ему образомъ, еще яснѣе, чѣмъ предыдущій, показываетъ короткость отношеній почитателя къ своему богу. И притомъ. лицомъ, которое такъ насмѣхается надъ божествомъ, является

здѣсь не какой-нибудь мятежный Титанъ, стремящійся испровергнуть господство Олимпійцевъ, а набожный любимецъ боговъ, мнѳическій царь-законодатель, обязанный своимъ именемъ Нума, сроднымъ греческому *nomos*, этому послѣднему качеству, и почитаемый благочестивыми римлянами органомъ божественныхъ откровеній. И однако не чувствовалось, повидимому, никакого затрудненія представить такого святого поступающимъ столь страннымъ образомъ въ отношеніи къ самому высшему божеству.

Этотъ послѣдній разсказъ приводитъ насъ къ вопросу, какъ могло статься, что человѣческія жертвоприношенія, столь обычныя въ варварскія времена, хотя и приносившіяся по весьма различнымъ мотивамъ, продолжали такъ долго оставаться въ употребленіи тамъ, гдѣ господствовали теократическія религіи, тогда какъ въ религіяхъ теантропическихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ примитивныхъ культовъ, они уничтожились уже очень рано. Въ Aitareya-Brahmana встрѣчается разсказъ о Сунаселѣ, сынѣ брамина, живущаго въ лѣсу, котораго отецъ, побуждаемый голодомъ и соблазняясь великой наградой, собирается убить въ честь Варуны, вмѣсто царскаго сына; но боги, которыхъ тотъ призываетъ, спасаютъ его, и онъ усыновляется послѣ того жрецомъ Висвамित्रой. Точно также жрецъ Калхасъ требуетъ отъ Агамемнона, который оскорбилъ Артемиду, принести въ жертву свою дочь Ифигенію, чтобы укротить гнѣвъ богини; но когда этотъ царь уже готовъ исполнить приказаніе, сама богиня уводитъ дѣвушку въ Тавриду и дѣлаетъ ее безсмертною. Въ религіи персидскихъ народовъ нѣтъ никакого упоминанія о человѣческихъ жертвахъ. Въ Греціи онѣ сдѣлались исключеніемъ, равно какъ и въ Италіи, гдѣ нѣкогда требовались различными культурами, но вскорѣ были замѣнены другими жертвами или изображеніями. У римлянъ, какъ мы видѣли, уничтоженіе ихъ относится уже ко времени Нумы. Мало того, даже египтяне, съ ихъ полутеократической, полутеантропической религіей, показали уже въ данномъ случаѣ добрый примѣръ. Между тѣмъ эти жертвы держатся въ теократическихъ религіяхъ Западной Азіи, но крайней мѣрѣ у финикійцевъ, арамеевъ и евреевъ, приносившихъ своихъ дѣтей въ жертву богу огня. Кто не помнитъ разсказа, какъ Меша, моавитскій царь, закалаетъ своего старшаго сына въ честь Камоша, когда его столицу окружили соединенныя войска израильтянъ и іудеевъ? Какъ глубоко ко-

решилось убѣжденіе, что только такимъ способомъ можно уми- лостивить боговъ и отвратить ихъ грозный приговоръ, можно видѣть на примѣрѣ кароагенянъ, которые продолжали практи- ковать такія жертвы еще долго спустя послѣ завоёванія ихъ государства римлянами, и даже страхъ предъ этими суровыми владыками не могъ заставить ихъ отказаться отъ нихъ. Рав- нымъ образомъ, всёмъ извѣстно, какихъ трудовъ стоило іудей- скимъ пророкамъ положить конецъ этому жестокому и проти- воестественному обычаю ихъ народа, который былъ несовмѣ- стимъ съ ихъ этическими понятіями. Мы можемъ далѣе отмѣ- тить, какъ объ немъ говорится въ прекрасномъ разсказѣ о жертвоприношеніи Авраама, имѣвшемъ своєю цѣлю содѣй- ствовать его уничтоженію. Здѣсь онъ ни осуждается какъ та- ковой, ни представляется жестокимъ и безчеловѣчнымъ. На- противъ, Ягве требуетъ его, и отецъ вѣрующихъ тотчасъ же готовъ повиноваться; и это вмѣняется ему какъ доказательство его благочестія и вѣры въ обѣтованія Божіи. Здѣсь дѣло стоитъ совершенно иначе, чѣмъ въ вышеуказанномъ индійскомъ раз- сказѣ, гдѣ авторъ явно осуждаетъ брамана Айигарту, хотѣв- шаго убить своего сына, какъ жестокаго и безсердечнаго отца. Напротивъ еврейскій писатель, хотя кровопролитія и въ этомъ случаѣ также не совершилось, исходитъ изъ того принципа, что Богъ можетъ требовать отъ своихъ поклонниковъ даже и безчеловѣчныхъ жертвъ, и тѣ обязанности Ему смиренно повино- ваться.

Гдѣ же причина того, что народы, цивилизованные гораздо раньше грековъ и римлянъ, раньше индійцевъ и персовъ, и бывшіе въ извѣстномъ смыслѣ ихъ учителями, остались такъ далеко позади ихъ въ этомъ отношеніи? Нѣкоторые утверждали, что семиты по самой своей природѣ болѣе жестоки и крово- жадны, чѣмъ аріицы, но никакого доказательства въ пользу этого представлено не было. Великій царь Персін, который хвастался тѣмъ, что онъ аріецъ и сынъ аріица, былъ не болѣе снисходителенъ въ наказаніяхъ, какія онъ налагалъ на бунтов- щиковъ, чѣмъ семитическіе цари Ассура; и нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ, также аріицы, могли поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Застѣжки святой инквизиціи и на- шихъ старыхъ европейскихъ судовъ представляютъ чисто аріи- скія изобрѣтенія, утонченная жестокость которыхъ заставляетъ ступить кровь въ жилахъ. Здѣсь должна быть, слѣдовательно, иная причина. Нельзя сказать и того, чтобы семиты менѣе

дорожилъ человѣческой жизнью или не такъ горячо былъ привязанъ къ своей семьѣ. Совершенно наоборотъ. Жизнь, продолжающаяся до счастливой старости, составляетъ одно изъ самыхъ дорогихъ его желаній; никто лучше его не можетъ любить своихъ дѣтей; никто такъ не радуется, какъ онъ, благословію многочисленнымъ потомствомъ; и прежде всего его сыновья составляютъ его гордость и славу. Но еще глубже, чѣмъ эти человѣческія чувства, коренится въ его сердцѣ то религиозное чувство, которое господствуетъ въ теократическихъ религіяхъ, чувство своего ничтожества предъ сверхъестественной Силою, отъ которой онъ сознаетъ себя зависимымъ. Высшему Господу на небесахъ принадлежитъ все, что онъ ни имѣетъ, и даже то что онъ считаетъ самымъ дорогимъ. Если Онъ требуетъ этого, оно должно быть отдано. Съ неограниченнымъ владыкой нельзя разсуждать относительно его повелѣній, установленныхъ издревле, или спорить съ нимъ; а чтобы не могло показаться, что жертвоприношеніе совершается противъ воли, крики бѣдной жертвы и вопль несчастной матери часто заглушаются громкой музыкой. Высокое этическое развитіе еврейскихъ пророковъ было необходимо для пробужденія сознанія, что Ягве по своему любвеобилію и милосердію отказывается отъ права на такія приношенія, и что ему болѣе угодны чистота сердца и праведная жизнь. Но большинство народа не могло рѣшиться повѣрить этому ученію. Это не значитъ, что пророки были невѣрны основной теократической идеѣ о величій и возвышенности Бога, Его неограниченномъ могуществѣ и господствѣ; нѣтъ, они имѣли только болѣе этической и духовный взглядъ на Его святость, а слѣдовательно и на Его господство, взглядъ слишкомъ высокій для неразвившейся толпы.

Я попытался нѣсколькими чертами—можно было бы легко представить и другія иллюстраціи—характеризовать различіе между теократическими и театроическими религіями, чтобы дать понятіе о томъ, что разумѣется подъ различными направленіями религиознаго развитія или одностороннимъ развитіемъ. То, что мы замѣтили въ этихъ двухъ великихъ семействахъ религій, обнаруживается въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ и въ другихъ случаяхъ, разнообразясь на тысячу ладовъ. Въ нашу задачу не входитъ указывать практическіе результаты такой односторонности въ религиозной жизни; но вопросъ о томъ насколько послѣдняя вредитъ или способствуетъ общему

развитію религіи, не можетъ быть оставленъ совершенно безъ отвѣта.

A priori можно было бы подумать, что она можетъ только вредить религіозному развитію. Въ религіи мы имѣемъ два необходимыхъ элемента, которые мы можемъ кратко назвать: безконечное въ насъ и безконечное надъ нами, или, говоря языкомъ религіи: господство Бога и родство человѣка съ Богомъ. Теперь, какъ мы видѣли, даже тамъ, гдѣ одинъ принципъ развивается до крайности, другой никогда не остается въ полномъ забвеніи, какъ бы далеко ни отставало его развитіе; вѣрующій повидимому боится выдвинуть его до извѣстной степени впередъ, чтобы не подвергнуть опасности ту истину, которую онъ цѣнитъ выше всего: и наступаетъ моментъ, когда эта истина настолько затѣняетъ другую, что отъ нея пропадаетъ почти всякій слѣдъ. Когда теантропизмъ достигаетъ крайняго предѣла такой односторонности, остается только выборъ между обожествленіемъ міра и атеизмомъ. И когда мы видимъ, какъ не только древніе натуръ-боги, но и высшіе боги, которые, будучи надѣлены всею силою, или ставятся во главѣ ихъ или замѣщаютъ ихъ собою,—какъ всѣ эти предметы поклоненія постепенно лишаются всего того, что дѣлаетъ ихъ достопоклоняемыми, какъ они трепещутъ предъ высшей силой подвижниковъ покаянія, позволяютъ священнымъ пѣвцамъ безнаказанно оскорблять себя, желая показать, что они стоятъ выше нетерпимости и страсти, и однако оказываются въ своемъ самоотреченіи ниже Будды, который изъ состраданія отдаетъ себя въ пищу тигрицѣ, чтобы она могла накормить своихъ дѣтенышей,—когда мы видимъ все это, то можно почти предпочесть атеизмъ. Съ другой стороны, система, которая не только съ особенной силой выдвигаетъ теократическій принципъ, но и осуждаетъ всякое человѣческое усиліе и трудъ, науку и знаніе, искусство и индустрію, какъ что-то бесполезное и ничего не стоящее,—мало того, даже грѣховное,—такая система не оставляетъ поклоннику ничего другого, какъ преклоняться подобно рабу или пресмыкаться подобно собакѣ. Но когда дѣло доходитъ до такой крайности, наступаетъ спасительная реакція. Кажется, поэтому, что безспорно противоположные, хотя и не непримиримые, основные религіозные принципы или идеи (я разумѣю кромѣ двухъ указанныхъ и многіе другіе,—прежде чѣмъ религіозная мысль можетъ соединить ихъ или по крайней мѣрѣ утратить ихъ несообразно-

ность,—должны каждый въ отдѣльности пройти долгій путь самостоятельнаго развитія и направить всѣ силы, чтобы получить полное свое выраженіе. Но ничто существенное, получающееся отъ такого спеціальнаго развитія, не погибаетъ въ послѣдствіи; его плодъ остается навсегда, и въ концѣ концовъ приносить пользу общему развитію религіи. Каждый потокъ, такимъ образомъ, проходя свой собственный путь, доставляетъ драгоценный даръ развитію въ его цѣломъ. И разъ установлено равновѣсіе, мы никогда уже не впадемъ въ прежнюю односторонность, или впадемъ развѣ лишь на краткое время, и притомъ въ весьма ограниченной мѣрѣ. Здѣсь могутъ быть еще колебанія направо или налево, но равновѣсіе всегда возстанавливается.

Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей лекціи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки